

Неожиданно берет у Саяпина ружье и
пешит на шаг. Вон отсюда.

Александр

ВАМПИЛОВ

Набранные

Александр Валентинович Вампилов

Кладбище слонов

OCR sardonios

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160457

Александр Вампилов. Избранное: Согласие; 1999

ISBN 5-86884-020-8

Аннотация

Задумана Вампиловым как многоактная пьеса. Написано было только три картины первого действия. Стилистика пьесы, имена действующих лиц позволяют рассматривать «Кладбище слонов» как подготовку автора к будущей «Утиной охоте». Публикуется впервые.

Александр Вампилов

Кладбище слонов

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Комната в доме Кузакова. В углу низкая тахта, журнальный столик и два кресла. У правой стены сервант, на нем проигрыватель и большой портрет красивой молодой женщины. Выше на стене фотография из журнала – портрет певца Магомаева. Прямо перед глазами яркая портьера во всю стену. Остальные две стены и потолок покрашены в разные цвета. Входная дверь слева, она же – дверь на кухню. Справа дверь в другую комнату. Все это освещено причудливого вида торшером, стоящим посреди комнаты.

Слышен звук отпираемого засова. Появляется Кузаков. Он в армейской форме, в руках у него чемодан. Застыв на пороге, он долго и с удивлением разглядывает комнату. Затем медленно, как-то даже боязливо ставит чемодан на пол, осторожными шагами обходит комнату, берет в руки портрет женщины, некоторое время разглядывает его и ставит портрет на место. На глаза ему попадает фотография пев-

да Магомаева, он смотрит на нее с изумлением. Потом он снова обходит комнату, осторожно садится на тахту, изучающе проводит по ней рукой, сидя, слегка подпрыгивает, вдруг вскакивает и резким движением отдергивает портьеру – открывается бревенчатая побеленная стена и обшарпанное окошко.

Некоторое время он стоит неподвижно. Затем подходит к серванту, снова берет портрет, садится в кресло и долго, внимательно, с тревогой всматривается в лицо женщины. Негромко звучит незатейливый лирический мотив, исполняемый на кларнете. Свет на сцене медленно гаснет. В полной темноте поворачивается круг, и свет так же медленно зажигается.

Та же комната, но совсем другая обстановка. Вместо тахты – никелированная кровать, вместо серванта – старый комод, на котором стоят громоздкие часы и мирно пасется целое стадо фарфоровых слоников. На стене место певца Магомаева занимает большая старая фотография, изображающая семью Казаковых: мать, сидящую на стуле, на ее коленях пятилетнего сына и отца, который стоит позади и держится за спинку стула.

Кузакова и Галина прощаются. На нем солдатская шинель.

КУЗАКОВ. Ну вот. Конец отпуску. Присядем.

Молча усаживаются.

ГАЛИНА. Что же мне делать? Ты так и не сказал.

КУЗАКОВ. А что я скажу? Я не знаю. Думай сама.

ГАЛИНА. Я боюсь. Телевизор весь город смотрит – подумать только.

КУЗАКОВ. Не знаю, Галка. Платят они неплохо, работа чистая, женская. Как надумаешь, так и будет.

ГАЛИНА. А если так: из яслей уйду и там ничего не выйдет?

КУЗАКОВ. Да нет, пусть дают гарантию.

ГАЛИНА. Боюсь... Этот дядечка, ну тот, который меня нашел, он мне сказал, что они все институты перевернули, всю самодеятельность, пока нашли жемчужное зерно. Это про меня. Так и сказал.

КУЗАКОВ. Ты у меня – вообще... Я ребятам твое фото показывал – что было!

ГАЛИНА. А я ему говорю: у меня нет никакого образования, десять классов – и все. А он мне: зато у вас есть голос и обаяние. Образование вам, говорит, не понадобится.

КУЗАКОВ (забеспокоился). Слушай, а может, он клинья подбивает, а?

ГАЛИНА. Ну что ты. Ему уже лет под пятьдесят. Да и глупости все это. Ты ведь знаешь.

КУЗАКОВ. Ну смотри. Делай, как тебе лучше. (Взглянул на часы.) Ну вот... пора. (Поднялся.)

ГАЛИНА. Ты возьми один ключ. Возьми с собой.

КУЗАКОВ. Зачем мне ключ?

ГАЛИНА. Я буду ждать тебя каждый день.

Они обнялись.

КУЗАКОВ. Чудная. Раньше мая не вернусь – все равно...

Ну ладно, ладно... Много ждала, немного подождешь. Пару лет отпахал, а теперь как-нибудь... Отмахнемся.

ГАЛИНА. Подожди... Если на этот раз у нас будет ребенок... Слышишь?..

КУЗАКОВ. Сын. На меньшее я не согласен... А что – уже...

ГАЛИНА. Нет... Не знаю...

КУЗАКОВ. Если что – отбей мне телеграмму.

ГАЛИНА. Телеграмму? С ума сошел. Как же ее отобьешь, телеграмму?

КУЗАКОВ. А просто: «Все в порядке. Жена».

ГАЛИНА. Да ну тебя...

КУЗАКОВ. Говорю тебе, телеграмму. И никаких!.. Ну, прощай...

Свет медленно гаснет, музыка затихает, поворачивается круг, и свет медленно загорается.

Кузаков сидит в кресле с портретом жены в руках. Затем он направляется в другую комнату и зажигает там свет. Пе-

ред нами небольшая комнатка, предназначенная, по-видимому, для спальни. Но она сейчас заставлена старой мебелью. Здесь и никелированная кровать, и комод, и слоны на комод, и громоздкие настольные часы.

Кузаков, остановившись в дверях, попеременно рассматривает обе комнаты, после чего входит в спальню, падает на кровать и лежит некоторое время, глядя в потолок. Но вот он что-то услышал, вскочил, выбежал в сени и через мгновение вернулся вместе с Валерией, стюардессой лет двадцати шести.

ВАЛЕРИЯ (сунула ему в руки плащ). Держите. (Молча уселась в кресло, достала сигареты, закурила.)

КУЗАКОВ. Вы к Галке, верно?.. Когда она придет, вы не знаете?

ВАЛЕРИЯ. Я думала, она дома.

КУЗАКОВ. Когда у нее кончается работа?

ВАЛЕРИЯ. Когда как. Не знаю... Извините, а вы кто, собственно, будете?

КУЗАКОВ. Я?.. Я ей муж... Вроде бы так...

ВАЛЕРИЯ. Муж?.. Ах, муж! Совсем забыла, что у нее есть муж... Да унесите вы плащ.

Кузаков уносит плащ и возвращается.

Но она говорила, что ее муж лейтенант.

КУЗАКОВ. Лейтенант?..

ВАЛЕРИЯ (с усмешкой). Что, вас уже разжаловали?

КУЗАКОВ. Но я никогда не был лейтенантом...

ВАЛЕРИЯ. Ну, не знаю. Значит, у нее есть еще один муж.

Лейтенант.

Кузаков молчит. Он растерян, удивлен.

А что тут удивительного? Вам можно, а нам нельзя – так что ли?

Стук в дверь. Появляются Егор Брянский и Саяпин. Егор Брянский, немолодой уже человек, с сединой в волосах и бороде, невысокий, чуть сутулый, в очках, с клюшкой в руке. Саяпин высокий, крепкого сложения, красивый, но угрюмого вида парень.

БРЯНСКИЙ (стучит клюшкой об пол). Водки!

ВАЛЕРИЯ (Кузакову). Не бойтесь, это свои.

Брянский снимает плащ, шляпу и бросает их на пол. Саяпин следует его примеру, однако свою куртку он довольно бережно укладывает на одежду друга. На шее у Саяпина остался яркий, весьма похожий на женский старый шарф, который он, по-видимому, никогда не снимает. Брянский подходит к Валерии, целует ей руку.

ВАЛЕРИЯ. Ну? Вырвался?

БРЯНСКИЙ. Я ее покинул. Покинул, как всегда.

ВАЛЕРИЯ. Ты доиграешься, она подаст на тебя в суд.

БРЯНСКИЙ. Лера, прошу тебя, не говори так о моей жене. Она добрая, несчастная женщина.

ВАЛЕРИЯ. Дура она, дура...

БРЯНСКИЙ. Прекрати, она благородный человек. Она никогда не пойдет по инстанциям. А теперь познакомься: Вадим Саяпин. Мой друг и гениальный художник.

ВАЛЕРИЯ. Очень приятно.

Саяпин кивает.

БРЯНСКИЙ (прошелся по комнате). Водки!.. Есть в этом доме водка?

ВАЛЕРИЯ. Ты – уже. Завелся. Опять на неделю?

БРЯНСКИЙ. Вздор! Мне все простят. В этом городе нет ни одного человека, который мог бы связать пару слов. По микрофону, разумеется. В этом городе я король, нет, не король, я император – ясно? – император репортажа. (Прошелся.) Водки!

ВАЛЕРИЯ. Не рычи. Познакомься с Галкиным мужем.

БРЯНСКИЙ. Что?.. Ага... Весьма охотно. (Протягивает руку.) Егор Брянский.

КУЗАКОВ. Петр.

БРЯНСКИЙ. Петр? Для мужа это неплохое имя.

КУЗАКОВ. Какое есть.

БРЯНСКИЙ. Совсем даже неплохое. А, Саяпин?

САЯПИН. Я молчу.

БРЯНСКИЙ. Нехорошо, Петр. Я давно вам это хотел сказать: плохо. Вы длительное время скрывали от нас свою жену, а это плохо. Не возражайте, Петр, красота не может принадлежать одному человеку. Красота всегда была достоянием публики.

ВАЛЕРИЯ (Саяпину). Вы студент?

САЯПИН. Нет. Не числюсь.

ВАЛЕРИЯ. Закончили?

САЯПИН. Неполностью.

БРЯНСКИЙ. Он человек ограниченный. Но он гений. Гений, и ничего с этим не поделаешь! (Прошелся.) А что, Петр, нет ли у вас на доньшке?

Кузаков открыл свой чемодан, достал банку консервов, несколько яблок, бутылку.

БРЯНСКИЙ (взял бутылку). Петр, я в тебе не ошибся. Ты святой, настоящий святой.

Входит Галина, жена Кузакова.

ГАЛИНА. Лера, привет! Егор, салют!.. (Увидела Кузако-

ва). А, приехал. (Быстро подошла к нему, поцеловала мельком.) Все благополучно? Ну и хорошо. (Брянскому.) Егор, тебя сегодня искали, ты был нужен.

БРЯНСКИЙ. Я им всегда нужен. Но самому себе иногда я тоже нужен, так им и передай.

ВАЛЕРИЯ (Галине). Его выгонят.

ГАЛИНА. Егора? Никогда.

БРЯНСКИЙ. Галочка, волшебница, обрати внимание: Владимир Саяпин. Гениальный художник.

ГАЛИНА. Галина.

САЯПИН. Саяпин.

БРЯНСКИЙ (наливает всем водки). Он дьявольски гениален, я счастлив, что пью с ним водку (Саяпину). Не возражай, ты ничего в этом не понимаешь.

САЯПИН. Я молчу.

БРЯНСКИЙ (поднимает стакан). За тебя, Саяпин! (Всем.) За него!

Все, кроме Кузакова, пьют. Галина, стоя у окна, незаметно задерживает шторы.

ВАЛЕРИЯ (Кузакову). А вы? Почему вы не пьете?

КУЗАКОВ. Мне что-то не хочется.

БРЯНСКИЙ. Я говорю, он святой.

ГАЛИНА. Он выпьет, не волнуйтесь.

ВАЛЕРИЯ. Мы и не волнуемся. Тут никто не волнуется.

Кто сейчас волнуется, так это – дура его жена. Представляю!

БРЯНСКИЙ. Лера, когда я научу тебя уважать мою жену?

ВАЛЕРИЯ. А ты ее уважаешь?

БРЯНСКИЙ. Да, уважаю. Она святой человек.

ВАЛЕРИЯ (всем). Слышали? (Брянскому.) Может, ты скажешь, что ты ее любишь?

БРЯНСКИЙ. Да. Я люблю свою жену. И тебя люблю. (Всем о Валерии.) Я очень люблю эту девушку... Но еще больше я люблю ту женщину, которую я встретил в Калуге, на вокзале, в тысяча девятьсот пятьдесят шестом году.

Галина рассмеялась.

ВАЛЕРИЯ. И все-таки она дура. (Встала, подошла к проигрывателю.)

САЯПИН (прищуриваясь). Нет, Егор, это не настоящая любовь.

Валерия пустила проигрыватель, звучит музыка. В это время Кузаков жестом зовет Галину в другую комнату. Она входит туда за ним. Теперь они разговаривают в обеих комнатах.

КУЗАКОВ. Галка!..

ГАЛИНА. Да?

КУЗАКОВ. Что это такое?

ГАЛИНА. Что?

КУЗАКОВ. Все.

ГАЛИНА. Что именно. Не понимаю. Тебе не нравятся мои друзья? Напрасно. Они чудесные люди.

КУЗАКОВ. Как ты со мной разговариваешь? В чем дело? Что случилось?

ГАЛИНА. Ничего особенного. Тебе все известно. Я тебе писала.

КУЗАКОВ. Я получал от тебя открытки. Одни открытки. По одной в месяц... Я тебя не узнаю, слышишь...

ГАЛИНА. Неудивительно. Мы давно не виделись. За это время я изменилась.

Кузаков смотрит на нее с тревогой.

БРЯНСКИЙ (Валерии). Налей Саяпину. Ему всех трудней. Он родился гением, и он об этом еще пожалеет.

ГАЛИНА. Переоденься. Давно мог бы переодеться.

КУЗАКОВ Ты говорила им, что я офицер?.. Зачем тебе это надо?

ГАЛИНА. А что особенного? За три года мог стать и офицером.

БРЯНСКИЙ (напевает).

Сижу я это как-то с африканцем,
А он, сермяга, мне и говорит...

КУЗАКОВ. Галка, поговорим серьезно.

ГАЛИНА. Поговорим потом, у нас гости.

БРЯНСКИЙ.

В России не танцуют модных танцев,

А это очень неприглядный вид.

КУЗАКОВ (обнимает ее). Я тебя полгода не видел, что ты в самом деле...

ГАЛИНА (освобождается от его объятий). Надо идти. Это невежливо.

КУЗАКОВ. Пусть они уходят.

ГАЛИНА. Они уйдут, когда захотят.

КУЗАКОВ. Пусть уходят.

ГАЛИНА. Не говори глупостей. Переодевайся и приходи. И не делай там такой зверской физиономии. Это никому не интересно.

КУЗАКОВ. Я не выйду, пока они не сомотаются.

ГАЛИНА. Как хочешь.

КУЗАКОВ. Галка!

Галина выходит к остальным. Валерия перевернула пластинку, отодвинула столик. Танцует.

БРЯНСКИЙ (раскачиваясь перед танцующей Валерией, отрывисто напевает). Потом мы с ним ударили по триста, А

он, сермяга, мне и говорит: В России вовсе не танцуют твиста, А это очень неприглядный вид... (Делает несколько па, как в оперетте, уселся.)

В спальне Кузаков неподвижно сидит на кровати.

САЯПИН (Галине). Когда я могу вам позвонить?

ГАЛИНА. Позвонить? А зачем?

САЯПИН. И верно – зачем? Когда я вас увижу?

ГАЛИНА. Не знаю... Завтра вечером. По телевизору.

САЯПИН. К черту телевизор. Завтра в десять у «Гиганта». И не опаздывайте.

ГАЛИНА. Вы слишком самоуверенны. У меня муж, как видите.

САЯПИН. Вижу. По-моему, вы завели его специально для того, чтобы обманывать. Разве – нет?

ГАЛИНА. Вы очень откровенны. Для первого раза.

САЯПИН. Я начинаю с середины. Всегда. У меня мало времени.

ГАЛИНА (задумчиво). Потанцуем.

Танцуют втроем: Валерия, Галина и Саяпин. Кузаков поднялся, открыл дверь и, стоя на пороге, наблюдает. На него никто не обращает внимания. Проходит полминуты. Кузаков вдруг останавливает проигрыватель.

КУЗАКОВ. Хватит.

ГАЛИНА. Что случилось?

КУЗАКОВ. На сегодня хватит.

БРЯНСКИЙ. Петр, ты, кажется, не в духе?

ГАЛИНА (подошла). Не валяй дурака, слышишь? (Пустила проигрыватель. Остальным) Танцуем.

КУЗАКОВ (остановил проигрыватель). На сегодня хватит. Приходите завтра.

Молчание.

БРЯНСКИЙ. А может, он прав. Во всяком случае, Петр подал нам блестящую идею. Мы идем в «Арктику». (Собирается.)

ГАЛИНА. Не торопитесь. Все уже закрыто.

КУЗАКОВ. Приходите завтра.

БРЯНСКИЙ. Петр только что приехал, действительно, ему надо отдохнуть.

ВАЛЕРИЯ. Да, без пяти двенадцать. (О Брянском.) Пора уже вернуть жене этого алкоголика.

САЯПИН. Ну что ж... До завтра.

Все выходят.

ГАЛИНА (Кузакову). Ты об этом пожалеешь. (Выходит вслед за всеми.)

Кузаков садится за столик, наливает себе водки, но не пьет, вертит в руке стакан, затем ставит его на место. Возвращается Галина.

ГАЛИНА. Ты зачем приехал? Говори! Скандальить? Смешить людей?

КУЗАКОВ. Я вернулся домой. Домой, понятно? (Встал.) А куда я попал? Что ты тут устроила? Три года ждал этого момента, а ты? Как ты меня встретила? Я тебе муж. Законный муж. Муж! Понятно или нет? А они? Кто они тебе? Чего им здесь надо? Я тебя спрашиваю, кто они такие? (Тычет в фотографию певца Магомаева.) Это кто такой? Здесь была мать, отец, где они? Где они, я тебя спрашиваю!..

ГАЛИНА. Все? А теперь слушай. Во-первых, никогда не смей на меня кричать. Во-вторых, если ты ничего не понимаешь, не суй свой нос туда, где ты ничего не понимаешь. В-третьих, то, что у нас было три года назад, – это ты забудь. В-четвертых, теперь здесь все будет по-другому. Это ты запомни. Все. На сегодня хватит, ты сам сказал.

Она ушла в спальню, принесла оттуда одеяло, простыни, бросила все на тахту.

КУЗАКОВ. Хочешь, чтобы все было по-твоему... (Неожиданно схватил ее за руку.) Тогда кто тут из нас муж?

Ты или я?

ГАЛИНА. Отпусти. (Пытается освободиться.)

КУЗАКОВ. Кто тут муж, я спрашиваю.

ГАЛИНА. Мне больно. Отпусти сейчас же!.. (Вырвалась.)

Муж вернулся! Грубиян. Узурпатор. Как я раньше этого не замечала!.. Спокойной ночи! (Уходит в спальню, закрывается.)

КУЗАКОВ (громко). Открой дверь! (Стучит.) Слышишь!

ГАЛИНА (громко). Муж! Чтобы быть моим мужем, надо быть приличным человеком! Запомни это!

Готовит себе постель.

КУЗАКОВ. Открывай! (Стучит.) Я сломаю дверь, слышишь! (Стучит в дверь ногами.)

ГАЛИНА. Давай, давай! Еще, еще! Сила есть – ума не надо!..

Помолчали.

Успокоился?.. А теперь ложись спать, так будет лучше.

КУЗАКОВ. Я не хочу спать.

ГАЛИНА. Делай, что тебе говорят. Для тебя это единственный выход. Слушайся меня.

КУЗАКОВ. А если – нет, что тогда?

ГАЛИНА. Узнаешь – что.

КУЗАКОВ. Ну – что?

ГАЛИНА. Соберу чемодан – и привет. Вот что. Мне недолго.

Молчание. Галина ложится в постель. Кузаков плетется к тахте, садится, медленно раздевается. Галина вдруг вскакивает, открывает дверь и бросает Кузакову подушку. Он бросается к двери, но она ее захлопнула. Кузаков постоял-постоял, затем постучался деликатно.

КУЗАКОВ. Галка... Галка...

ГАЛИНА. Ложись спать.

КУЗАКОВ. Галка, открой, слышишь. Поговорим начистоту...

ГАЛИНА. Ничего не выйдет.

КУЗАКОВ. Нам надо поговорить спокойно.

ГАЛИНА. Уже поговорили. На сегодня хватит.

Кузаков, свирепо взмахнув рукой, уходит от двери, ложится, и свет медленно гаснет. Кларнет исполняет тему прощания, но на этот раз мелодия спотыкается, что придает ей слегка насмешливый оттенок.

Картина вторая

Летний вечер. Фонарь, железная ограда, проходная будка студии телевидения. На лавке сидит женщина лет пятидесяти, вахтер. Она о чем-то думает. Дверь будки распахнута, на окошко выставлен телефон, так что можно звонить, сидя на лавке. Рядом с вахтером сидит Кузаков. Некоторое время он сидит молча.

ВАХТЕР. Ах ты, дьявол! Ну никак не вспомню!

КУЗАКОВ (поднимается). Слушайте, мамаша. Лучше мне зайти. Узнаю – и обратно.

ВАХТЕР. Не могу. Без пропуска не могу.

КУЗАКОВ. Да что вы тут стережете, на самом деле! Вышку, что ли?

ВАХТЕР. Не могу. Сказала – не могу. Не имею права.

КУЗАКОВ. Тогда звякните. Еще разок.

ВАХТЕР. Позвонить можно. (Звонит.) Ну вот. Опять не отвечают... Никак не вспомню! Проходила она или нет... Вроде бы не проходила... Нет, не вспомню! Голова у меня болит...

КУЗАКОВ. Мамаша... А как она обычно выходит, ну... с работы, одна или... с кем-нибудь?..

ВАХТЕР. Когда одна, а когда и с кем-нибудь... Тут не разберешь... А вы-то, коли не секрет, кто приходитесь?

КУЗАКОВ. Я-то? Эх, мамаша, не знаю даже, как вам отвечать... Родственник я ей. Родственник...

ВАХТЕР. А я думала, жених. Женихов-то тут много посещает.

Появляется Саяпин. Как бы ничего не замечая, он решительно, с независимым видом проходит в открытую дверь.

КУЗАКОВ (поднялся). Он что, здесь работает?

ВАХТЕР. А бог его знает.

КУЗАКОВ. Тогда почему не спросили у него пропуск?

ВАХТЕР. У него спросишь, как раз! Вон он как прет – не подступишься.

КУЗАКОВ. А часто он тут бывает?

ВАХТЕР. Да не помню я, что ты, ей-богу! Сколько их тут за день?.. Я про Кузакову вспоминаю... Проходила – не проходила... Нет, не одолею!

Помолчали. Кузаков подошел к ограде. Смотрит. Вахтер заглянула в окошко.

Ну вот, одиннадцатый час. Скоро все разойдутся.

Кузаков отошел от ограды, отвернулся. Из проходной появился Брянский, за ним – Саяпин.

БРЯНСКИЙ. Петр, дружище, это вы? Нет, не делайте вида, что вы меня не узнаете. Меня невозможно не узнать.

КУЗАКОВ. Узнал, узнал. Как не узнать.

БРЯНСКИЙ. Вы все еще сердитесь? Напрасно, напрасно... Петр, а что вы здесь делаете?

КУЗАКОВ. Да вот пришел... Хочу украсть вышку.

БРЯНСКИЙ. Хотите ее пропить? Блестящая мысль. (Саяпину.) Что ты скажешь? Неплохая идея.

КУЗАКОВ (Брянскому). Что там Галка? Скоро она?

БРЯНСКИЙ. Но ее там давно нет, в том-то и дело. Потому я и спросил, что вы здесь делаете.

КУЗАКОВ. Я забежал, по пути... Давно она ушла?

БРЯНСКИЙ. Сейчас скажу... Так... В девять она была в эфире... Полтора часа назад, не меньше.

КУЗАКОВ. Ясно... Тогда – привет. (Уходит налево.)

БРЯНСКИЙ. Счастливо, Петр. Вы большой оригинал. Приходите днем, я устрою вас в программу интересных встреч.

Брянский и Саяпин уходят направо.

ВАХТЕР. Прошла. Я так и думала.

БРЯНСКИЙ. Святой человек.

САЯПИН. Но он не вовремя вернулся. Мог бы еще немного послужить.

Из проходной появляется Галина.

ВАХТЕР. Не прошла! Ах ты, грех какой!

БРЯНСКИЙ. Галочка, руку. Мы исчезаем.

ГАЛИНА. Нет. Егоор. Я устала.

БРЯНСКИЙ. Не ропщи. Мы люди, утомленные цивилизацией. Все до одного. Не возражай (о Саяпине), он ждет здесь тебя с самого обеда.

ГАЛИНА. Спасибо, я домой.

БРЯНСКИЙ. Галочка, ты срываешь нам мероприятие.

ГАЛИНА. Ну почему я? Что вы задумали?

САЯПИН. Видите ли, без вас это не имеет смысла.

ГАЛИНА. Ну да. Так я вам и поверила.

САЯПИН. Без вас просто невозможно.

БРЯНСКИЙ. Галка! Раз будет бал, значит, должна быть королева. Иначе мы сопьемся – грубо, примитивно... Ты бы этого... не хотела. Правда?

САЯПИН (берет ее за руку). Идемте, вы не пожалеете.

ГАЛИНА. Ну хорошо... Только ненадолго.

Уходят направо.

ВАХТЕР. Вот они как! Разбойники.

Картина третья

В доме Кузакова. Часы в спальне показывают час ночи. Мрачный Кузаков ходит по дому – из комнаты в комнату, останавливается у окна, смотрит, прислушивается, снова ходит. Но вот он взял газету, развернул ее, сел в кресло, просмотрел газетные страницы, задержался на одной из них, взгляд его стал задумчивым и неподвижным. И вот послышались нарастающие звуки марша, исполняемого духовым оркестром, свет на сцене медленно погас, повернулся круг и луч света вырвал из темноты кусок трапа, перед которым с микрофоном в руках мечется Брянский, а Саяпин, широко расставив руки, осаживает напирющую толпу. (Актеры должны дать представление о толпе, жестикулируя на грани света и темноты.) Второй луч света выхватывает из темноты стоящую в другом конце сцены Галину. В руках у нее букет цветов. Ее взгляд пригвожден к трапу, на котором появляется ее муж. Он появляется сверху, из темноты. Кто он? Летчик-испытатель, космонавт – не всели равно. Он блистательный военный, герой, которому удалось, наконец, посетить родной город. Он приветственно машет рукой, улыбается и сходит вниз.

Подобострастно улыбаясь, Брянский уговаривает его сказать несколько слов по микрофону. Он хмурится, берет микрофон и говорит несколько слов. Брянский рассыпается в

благодарности, расшаркивается и спешит сдерживать толпу перед идущим Кузаковым.

Процессия приближается к авансцене, и луч, освещающий Кузакова, гаснет. Галина идет вслед, она мечется, стараясь протиснуться вперед, встает на цыпочки, подпрыгивает. Но нет, он ее не видит, их разделяет толпа. Она в отчаянии. Музыка гремит фортиссимо. Гаснет луч, освещающий Галину, и через мгновение в темноте возникает проходная будка с женщиной-вахтером, стоящей перед закрытой дверью. В эту дверь тщетно пытаются проникнуть Брянский и Саяпин. Они стучат себя в грудь, размахивают руками, показывают удостоверения, протягивают руки словно за поданием. Брянский становится перед вахтером на колени, но вахтер неумолим.

В это время появляется шикарно разодетый Кузаков. Горделивой походкой он направляется прямо к вахтеру. Изумленные Брянский и Саяпин расступаются, вахтер распахивает перед Кузаковым дверь. В дверях Кузаков останавливается, небрежно закуривает сигарету, обернувшись, бесцеремонно разглядывает Брянского и Саяпина. Те смущены. Они переминаются с ноги на ногу, Саяпин застегивается на все пуговицы, Брянский не знает, куда девать руки. Наконец, Кузаков нечаянно роняет спички, Брянский и Саяпин бросаются поднимать эти спички и рвут друг у друга из рук. Кузаков, пожав плечами, удаляется, в то время как они продолжают борьбу за право ему услужить. Затем луч на сцене

гаснет, из затихающего оркестра отделяется кларнет, который пародирует лирическую тему из первой картины. Но вот уже луч света направлен на Кузакова, сидящего в кресле. На этот раз на нем китель военного летчика и фатовские брюки из шикарного гардероба того деятеля, перед которым открыты все проходные будки мира. Он со скучающим видом просматривает газету.

Второй луч приводит к его креслу Галину, такую печальную, тихую, пришедшую просить прощение. Он поднимается, подходит к окну и молча, стоя к ней спиной, выслушивает ее горячую и длинную покаянную речь. В конце концов он не выдерживает и великодушно открывает ей свои объятия. Два луча объединяются в один. Кузаков и Галина целуются, потом он говорит ей несколько строгих слов, потом они снова целуются, потом он поднимает ее на руки, они целуются в третий раз, после чего он несет ее на тахту, садится рядом. А в это время раздается тихий стук. Кузаков поворачивает голову к двери, но счастливая Галина привлекает его к себе. Стук повторяется, и Кузаков нехотя, с досадой поднимается, идет к двери и, следовательно, исчезает в темноте. Некоторое время Галина на тахте одна, затем луч гаснет и кларнет постепенно умолкает.

В доме Кузакова зажигается свет, Кузаков дремлет в кресле, на полу валяется газета, которую он уронил. К нему стучатся.

КУЗАКОВ. (не вполне очнувшись, голосом человека, которого так не вовремя отвлекли). Кто это, черт подери?.. (Очнувшись, голосом человека, у которого жена возвращается во втором часу ночи.) Сейчас!.. (Поднимается, открывает дверь.)

Вошла Галина, молча разделась, молча хотела пройти в другую комнату. Кузаков ее остановил.

КУЗАКОВ. Где ты была? [...]